

Александр Юдин

*Разворошенное
гнездо*

Повесть

Александр Юдин

Разворошенное гнездо. Повесть

«Издательские решения»

Юдин А.

Разворошенное гнездо. Повесть / А. Юдин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830801-7

Тяжелое время начала радикальных перемен в стране привело к большим потерям на некогда преуспевающей Дольской швейной фабрике.

Скрепленный добрыми традициями одухотворенный труд коллектива уже вытеснен безрадостной работой ради выживания. На фабрике появляется корреспондент областной газеты. Он командирован в Дольск с заданием подвергнуть предприятие суровой критике. Но, шаг за шагом вникая в сложившуюся обстановку, он приходит к убеждению в необходимости защиты коллектива фабрики...

ISBN 978-5-44-830801-7

© Юдин А.

© Издательские решения

Разворошенное гнездо

Повесть

Александр Юдин

© Александр Юдин, 2016

ISBN 978-5-4483-0801-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На улице была весна. Было светло, тепло и грязно. Дул слабый, но пронзительно-свежий ветерок. Мчавшиеся по дороге, мимо Дома печати, автомашины тянули за собой шлейфы рыжеватого-серой влаги. Под ногами прохожих шуршала и чавкала крупнозернистая каша из снега пополам с водой. И жмурились заходящему солнцу женщины, ослепляя выглядывающими из-под пальто круглыми коленками, обтянутыми золотистым капроном.

Андрей постоял под навесом у подъезда, закурил. Но, сделав пару затяжек, поморщился и выбросил сигарету: обкурился, пока гнал в номер репортаж. Расслабленно заширкал по снежной каше к автобусной остановке. И вдруг будто кто-то дернул за рукав. Обернулся.

«Надя?!» – не поверил собственным глазам.

Она стояла за углом редакционно-издательской коробки, прячась от острого весеннего ветерка. Маленькая, аккуратная, с громадными серыми глазами. Он не сразу заметил ее. Чуть было не прошел мимо. И вот увидел. И остановился растерянно, глядя на нее, жмущуюся в капрончике на ветру. Глупо улыбался.

– Ты?..

– Как видишь, – с хрипотцой в голосе отрывисто сказала она, рассмеявшись. – Смотрю на тебя и думаю: заметит или нет?

Волнуется. Уж если в голосе появляется хрипотца – значит волнуется. Он сразу все вспомнил. Вспомнил ее всю и ужаснулся: как это он мог быть так долго без нее?

– Но... слушай, Надь... черт возьми, почему ты здесь? Почему не зашла?

– Да? А как я зайду? Кто я тебе?.. Вот я и решила: дай подожду маленько.

– Ну как же это?.. И давно ждешь?

– Да нет, не волнуйся, не так уж. С полчаса, может быть. Утром позвонила – говорят, к взрывникам каким-то смотался. «Будет?» – спрашиваю. «Обязательно», – отвечают. Позвонила после обеда – явился – не запылится, где-то тут, говорят, бродит. Вот я и пришла. Дай, думаю, подожду немножко – может, сам выйдет; а замерзну – в кабинет попрошусь погреться. Как видишь, – дождалась.

– Вот ведь... Надо же... – растерянно забормотал он. – Но как же все это? Слушай, Надь, какими судьбами?

– Да у нас тут НИИ отраслевой. Вот и приехала узнать насчет кое-каких разработок. Командировка, в общем.

Он наморщил лоб.

– Ваш НИИ?.. Что-то не припомню ничего подобного.

– Ну, не сам институт – филиал, небольшой.

– Разве что захудалый какой-нибудь, полуподпольный.

– Сам ты захудалый. А то ты уж все углы здесь обшарил, все узнал. Чего привязался? Приехала и приехала. Значит, есть какой-то филиал, пусть самый захудалый, – проворчала она.

– Хорошо, хорошо, есть какой-то филиал, и ты туда приехала по делам. И я рад, очень рад, что ты это сделала. А сейчас куда путь держишь?

Она неопределенно пожала плечами.

- А остановилась где?
- Да пока нигде. Успею еще.
- Чудачка. Так и без места можно остаться. Может, тебе помочь?
- Не надо. В крайнем случае в общежитии устроюсь. Гарантировали. От филиала.
- Ну, смотри.
- Смотрю, – загадочно улыбнулась она.

– Пстой-ка, да ты, кажется, совсем замерзла. Идем-ка вон туда заскочим – в спортивный павильон, отогреешься. Заодно поглазею. Ты любишь гимнастику? Там сейчас, кажется, гимнасты к соревнованиям готовятся.

Надя согласилась. Они зашли на балкон, где было тепло и совсем мало народу. Внизу резвились с мячами, лентами совсем молоденькие девчушки. Затренькал рояль – началось очередное выступление. Видно, это была какая-то местная восходящая звезда, потому что все девушки бросили разминку, замерев в самых живописных позах. А она, небольшая, компактная, плотная, но стройная, с забранными в маленький модный пучок светлыми волосами, азартно тянула ноги, делала стойки, шпагаты. Алая лента разнежившимся ужом ласкалась у ее вкрадчиво вышагивающих ног, то собираясь в эластичную пружину, то осторожно обнимая ее горделиво выгнутую грудь легкими кольцами. Она с упоением отдавалась своей роли обаятельной девушки, способной спортсменки. Она, кажется, чувствовала обращенные на нее восхищенные взоры, и это, наверное, придавало ей сил, и она вся с еще большим наслаждением упоенно резвилась с лентой. Она была погружена в себя, но глаза ее блестели, источая торжество, нескрываемую радость вдохновения. Это была бодрая, счастливая кокетливая козочка...

Он залюбовался ею. И вдруг поймал на себе грустный взгляд Нади.

– Ты что?

– Да так... Красивая?

– Красивая. А что?

– Ничего, – вздохнула она. – Молоденькие все красивые. Меня бы сейчас туда вместо нее – то-то смеху было бы.

– Так это хоть кого, – улыбнулся он успокаивающе. – Ты же не гимнастка.

– Почему же... Немного занималась. Давно-давно, сто лет назад. Теперь вот уже старуха.

Вырядилась, приехала специально, а он и не смотрит.

– Что ты, Надя! – обняв ее за талию, притянул к себе.

– Ой-ой, что делается! При народе, в хороводе.

– Ты даже не представляешь, какая ты красивая, и как я рад, что вижу тебя, —шепнул ей на ухо.

– Правду говоришь? – кокетливо спросила она, а в глазах было настороженное ожидание.

– Правду говорю, – в тон ей ответил он. – А зачем ты неправду говоришь, что специально приехала? Ведь у тебя тут дела?

Внизу опять начала выступать та козочка. Надя молчала, наблюдая за ней.

– Никаких дел у меня тут нет, – неожиданно призналась она. На тебя приехала посмотреть. Тут же недалеко – всего ночь на поезде.

– Среди недели?

– Ничего особенного, – улыбнулась она. – Поднакопила отгулов и явилась... И никакого общежития за мной не забронировано. Если не встречу, думаю, – в командировке где мотается или еще что – сяду на поезд и обратно укачу. Поезд, кстати, отсюда ночью отправляется, так что мне это еще совсем не поздно сделать. И ты можешь от меня без особых хлопот избавиться – не обременять себя провожаньем. Я понимаю: прошло немало времени, поди, женат уже – придется ответ держать, где до ночи проваландался... Господи, и зачем я вообще это сделала?!

У нее дрогнули губы.

И жалость жалом впиалась в грудь.

Он повернул ее к себе. Сказал, глядя ей в глаза:

– Ты все очень хорошо сделала. Все правильно. Ясно?

– Нет, – сказала грустно.

– А насчет жены... Нет у меня жены.

– Правда, что ли? – недоверчиво посмотрела она на него. – А так отчетливо вроде намечалась.

– Это уже вопрос другого порядка, – чмокнул ее в щеку. – Мы сейчас пойдем ко мне и все расскажем друг другу. Идет?

Она пристально, изучающе посмотрела на него, подумала.

– Идет, – сказала тихо.

– Ты хоть согрелась?

– Согрелась.

Они вышли на улицу. Был час пик. Народ валом валил с работы, скапливаясь на остановках. Мимо них проскакивали битком набитые автобусы, троллейбусы.

Надя, пожившись, подняла воротник пальто.

– Опять замерзла, что ли, сибирячка? – бодро-насмешливо осведомился он.

– А я вовсе и не сибирячка. Забыл, что ли? Так-то, выходит, я тебе интересна.

– И правда забыл. Прости. Откуда ж ты такая?

– Какая? – кокетливо спросила она.

– Такая прелесть. И отчаянная.

– Из Челябинска, хороший мой, из Челябинска.

– Но там, между прочим, тоже морозы бывают будь здоров.

– Быва-ают, – подтвердила она.

– Слушай-ка, уралочка, – догадался он, – а ты давно последний раз калории принимала?

– Давно, – созналась она.

– Вот балбес! – ругнул он себя. Хочешь пельменей?

– Хочу, – с готовностью мотнула она головой

Они пошли через квартал на соседнюю улицу. Сокращая путь, свернули на тропинку за невзрачным трехэтажным домом. В тени его, куда солнце редко доставало своими лучами, тропинку прерывал черный ручей, выбегавший из-под большого слежавшегося сугроба. Андрей легко перемахнул через него, протянул Наде руку:

– Прыгай. Ловлю.

– Да не могу я, – хохотнула она. – Платье на мне узкое.

Он вернулся, подхватил ее на руки и, выбрав место поуже, прыгнул вместе с ней.

– Ой! – испуганно схватила она его за шею.

– Ух, ты, Надька, Надька! Прелесть! Я соскучился по тебе. Только не догадывался об этом, пока ты не приехала.

– Правда?

– Правда.

– А, может, ты меня все-таки отпустишь?

– Нет. Вот так и понесу сейчас тебя на руках.

– Ой, как хорошо-о! – пропела она.

– Хорошо? – глупо переспросил он.

– Хорошо. В кино в таких случаях говорят, млея от восторга: «Ты сумасшедший». Я тоже млею от восторга, прямо сердце замирает; кажется, сейчас умру. И тоже скажу, что ты сумасшедший. Но немного по другой причине. Я бы, признаться, еще поехала на тебе, но ты должен позаботиться о своем моральном облике. Тебя ведь тут знает уже, наверное, каждая вторая собака. И что скажут о тебе блюстители нравственности, если увидят, что ты какую-то чужую бабу нес на руках? Вот так, скажут, корреспондент, вконец обнаглел.

– А что, журналист не человек, не может себе позволить любить женщину?

– Может, может, Андрюша, но ты все-таки отпусти меня, пожалуйста. Ты можешь себе позволить любить женщину, можешь игнорировать пересуды любителей нравственности, но я не могу себе позволить хоть чем-то тебе навредить.

...Впельменной была очередь. Небольшая, но очень уж медленно двигалась.

– Что ж, тогда поедим в ресторане, – решительно сказал он. – Это совсем рядом, через пяток домов.

Но на двери ресторана висела табличка: «Банкет».

– Андрюш, а может, сюда? – жалостливо глядя на него, кивнула она на белые окна диетической столовой, расположенной через дорогу.

– Придется, – вздохнул он. – Будем есть манную кашку и запивать кипяченым молочком. Хотя я лично с большим удовольствием выпил бы сто грамм водки, похрустел соленым огурцом и послал к чертям этот неуязвимый общепит, который нашему дикому рынку пока не по зубам.

– Нет уж, – рассмеялась она, – давай лучше поешь со мной манной кашки, успокойся и набросай план статеечки в пользу сохранившихся диеточек, которые, оказывается, всегда к нашим услугам даже в часы пик.

В столовой было по-больничному бело, тепло, полупустынно; из репродуктора на стене тихо лилась мелодия в исполнении хорошего эстрадного оркестра. И раздатчица, кроме молочного супа, могла предложить еще и докторскую колбасу.

– Вот видишь, как здесь мило, а ты не хотел сюда, – сказала Надя.

Выйдя из столовой, они направились к автобусной остановке.

– Уж теперь-то уедем, – сказал он.

– Римские каникулы, – вздохнула вдруг Надя.

– Что – римские каникулы? – не понял он.

– Да фильм. Такой замечательный. Я бы с удовольствием еще раз посмотрела.

– И откуда вдруг взялась эта оригинальная мысль? – сыронизировал он.

– А вон щит... какой-то кинотеатр «Луч». Это далеко?

– Нет. Ты хочешь в кино?

– Хочу. Хочу с тобой в кино. Надоело ходить в кино без тебя.

Они повернули в обратную сторону, к кинотеатру «Луч». Но оказалось, что сеанс начался почти полчаса тому назад, а следующий – только через полтора часа, да к тому же это будет уже боевик с «картинками», а не «Римские каникулы».

– Черт знает что, куда ни ткнишь – все какие-то препятствия, – разозлился Андрей. – И в кино мы не попа—али, билетов не доста—али, – скучно пропел он, подражая опереточному артисту.

Она засмеялась, ткнулась лбом в его плечо, взяла его под руку:

– Не огорчайся. Идем. Все хорошо.

– Ну да, как же, – забурчал он. – Сегодня ты здесь – завтра тебя уже нет, а у нас так бездарно пролетает время.

– Почему же? У нас есть прекрасная возможность просто погулять. Ты посмотри только, какой чудный вечер. Весенний вечер, Андрюша. Здесь гораздо лучше, чем в душном зале. Идем. Идем, – потянула она его. – Все хорошо. Я хочу погулять по твоему городу, посмотреть на него, запомнить.

И они зашагали вдоль проспекта, волшебно переливающегося вечерними огнями. Сказочным дворцом, сотворенным из янтаря, наполненного солнечным светом, вздымалась впереди легкая громада универмага с раскинувшимися над ним большими ярко-красными неоновыми буквами. Там и тут струилась, мельтешила, полыхала разноцветная реклама. В темной перспективе просторного проспекта, на самом стыке с небом, справа расплывалось, мерцающая, рубиновое половежье убегающих к горизонту автомобильных стоп-сигналов, слева жмурилась

золотистая россыпь лучистых светлячков. Как квадратноплечие гиганты, вытянулись ровной шеренгой увешанные гирляндами света башни высотных домов... И все это вселяло в сознание какой-то задумчиво-радостный фон, а где-то в глубине души, как эхо, как отзвук далекого праздничного оркестра, торжественно гремела медь труб, выбивали глухо ритм барабаны.

– Погоди-ка, – остановилась вдруг Надя. – А там... ну, у тебя... никто не встретит нас скалкой? Или метлой.

– Не волнуйся, не встретит. Я же сказал...

– Ой, да неужто меня ждал? – озорно глянула она на него.

– Представь себе, – развел руками. – Я, почти убежденный холостяк, сам себе удивляюсь.

Ты, одна-единственная из всех, кого я знал и знаю, не хочешь опутать меня замужеством, а я впервые совсем не против. Удивляюсь, удивляюсь.

– А та, с которой я видела тебя на банкете?.. Ну, та самая, жгучая брюнетка...

– Какая брюнетка?.. – вскинул удивленно брови Андрей.

– Ой, он еще делает вид, что не понимает, о ком это я, – укорила она сердито.

Андрей пожал плечами, пытаясь понять, кого она имеет в виду.

– А-а... Наталья, – хлопнул себя ладонью по лбу. – Ну-у, это всего лишь эпизод. Она тебе не конкурентка. – Помолчал. Глянул ей в глаза испытующе. – Так это ты из-за нее, что ли, устроила мне бойкот? Даже на звонки перестала отвечать... – Усмехнулся. – Ушла она от меня. Бросила... Не оправдал я ее надежд. Решила, по-моему, что я олух, не умею жить. Иванушка-дурачок, на котором умные ездят. Однажды шутя вроде так и сказала: все люди, мол, как люди, мебельные гарнитуры, шикарные машины, дачи наживают, а я – одни шишки. Непутевый в общем. А я не стал ее переубеждать.

– Так это насовсем?

– Насовсем.

– Она дура? – удивилась Надя.

– Нет, практичная, – невольно рассмеялся он.

...Они свернули с шумного, яркого проспекта на пересекающую его тихую, скупо освещенную улочку, прошли вглубь квартала к темнеющей коробке невысокого дома с беспорядочно разбросанными на ее фоне изжелта-золотистыми квадратами окон, поднялись на третий этаж.

– Вот моя берлога, – сказал он, открывая дверь и пропуская Надю вперед.

Она сняла пальто, поправила перед зеркалом волосы. Глянула на него, зябко повела плечами:

– В-в-ой! Как я замерзла. Погрей меня, пожалуйста.

Он привлек ее к себе, зарылся лицом в ее волосы, еще чуть пахнувшие весенним морозцем, чувствуя каждой клеточкой ее, доверчиво прильнувшую к нему. И мир потерял реальность, и поплыла в памяти чистая чарующая мелодия, и привиделись голубое небо, голубое море, золотистые дюны, и нежная дева в белых одеждах, собирающая цветы. Как в тот раз, когда он впервые был с ней и услышал волшебную песню, вызывающую сказочные видения. И эта дева была она, и эта песня была ее душа, парящая над землей... «Я придумал ее?.. – медленно плыло в сознании. – Да, да... придумал... Наверное, придумал... Ну и что?.. Ну и пусть... Я хочу, чтоб она была такой... Мне такая нужна... Мне ее... такой... очень не хватает... И пусть будет иллюзия... весь мир иллюзия... И пусть будет тот, кто... умеет это не разрушить... Разрушает грязь, а она чиста... потому что... потому что... ну не знаю... она вызывает эти вот чистые видения...»

На ней было черное платье с тонкой ниткой белых бус на груди. Строгое платье. А сама она источала ласку и доброту. И совсем рядом были ее глаза, мерцавшие, как из глубокого омута, таинственно и хищно. У нее удивительная способность: она умеет глядеть в глаза пристально и долго, так что становится немного не по себе; и целует как-то также: пристально

и долго. Она охватывает его шею руками и впивается в его губы долгим, пьянящим поцелуем, увлекая, затягивая в омут страсти... Как колдунья. Как русалка...

– Андрюш, а ты... ни разу не говорил... ты меня любишь? – тихо спросила она и, как показалось ему, даже затаила дыхание в ожидании ответа.

– Неужели ни разу? – искренне удивился он.

– Ну скажи, любишь или так только?..

– Конечно, люблю, иначе зачем бы я...

– А почему любишь? – опять затаила она дыхание.

– Да хотя бы потому, что ты просто дыра, и мне с тобой легко. Понимаешь... у меня при тебе душа нараспашку, она отдыхает... Ты возбуждаешь во мне рыцаря, готового защищать тебя... Да еще и красивая. Разве можно такую не любить?

– Правда, что ли? – недоверчиво глянула она на него.

– Правда.

– Ну да, а сам хотел променять меня на Наташку, – укорила она.

– Да что ты, Надя?! Какая еще там... Я же говорил тебе, что это просто недоразумение, это всего лишь...

Она не дала ему договорить, прикрыв его губы ладошкой.

– Знаешь, почему я тебя люблю? – шепнула она, задумчиво перебирая его волосы. —

– Ну, наверно, просто потому, что я умный и красивый, – сказал он тоном самовлюбленного идиота.

– Вовсе нет, – легонько куснула она его мочку уха, понимая, что он шутит. – А просто потому, что ты... ненормальный, – сказала опять шепотом и прыснула, уткнувшись лицом в подушку.

– Вот те на... – удивился он.

Она, приподняв голову, серьезно глянула ему в глаза. Сказала раздумчиво:

– Я вот думаю, Андрюша... знаешь, есть люди – так себе: и неплохие вроде, хорошие даже, но... как бы это... обыкновенные, нормальные. А ты другой... не всякий. Я не верю мужчинам, которые рассчитывают все на сто ходов вперед и не делают глупостей, а тебе верю. Ты – настоящий...

– Альфа-самец! – добавил он, стукнув себя кулаком в грудь.

– Не кощунствуй, – щелкнула она его по лбу. – Я знаю, и тебе бывает больно, трудно, но ты не сдаешься и остаешься самим собой. Вот за это я тебя и люблю. Да нет, не то чтобы за это... Разве можно любить за что-то? Я просто тебя люблю. Люблю в тебе мужчину.

– В общем, она меня за глупости любила, а я ее – за снисхождение к ним, – сыронизировал он.

– Вот именно, – надела она ему пальцем на нос. – И не кощунствуй, пожалуйста.

– Прости, молчу, – поймал он губами ее палец.

Трубка залилась короткими гудками. Он медленно положил ее на аппарат, размышляя над создавшейся ситуацией. Надо было доложить о ней заву отделом. Тот что-то сочинял, быстро клацая компьютерными клавишами. На столе, как всегда, вороха бумаг.

– Придется, видно, отложить командировку в Дольск, – сказал Андрей.

– Почему? – резко откинулся Комлев на спинку стула.

Его типовое лицо благородного и сильного голливудского киногероя выражало крайнее недоумение.

– Разговаривал только что по телефону с Тимофеевым. Он категорически против...

– Мало ли против чего возражает какой-то там директор швейного объединения, пусть даже генеральный, – перебил его Комлев и, тонко усмехнувшись, с достоинством поправил элегантные очки в дымчатой оправе, которые очень гармонировали с его короткими, ежиком, темными волосами, чуть тронутыми благородной сединой.

– Да нет, вы не дослушали – не совсем тот случай. На Дольской фабрике только-только приняла бразды правления новая директриса. Она еще не вникла в положение, поэтому...

– Но фабрика пока еще отстающая, заваливает производственную программу по всем статьям.

– Да, но меры-то, выходит, приняты: заменили первого руководителя.

– Так ведь тем и интересна ситуация: вынуждены были заменить директора, а почему? Вот и займись... Разобраться, подумать и накропать толковую статью или проблемный очерк о стиле руководства. За два года – третий директор. Это ли не информация к размышлению?

Странное дело: он говорил, что Тимофеев сам просил его, чтобы редакция вмешалась, помогла разобраться с Дольской фабрикой, хотя и трудно было поверить в это – походило больше на желание поставить на место амбициозного подчиненного.

Теперь он собственными ушами слышал от Тимофеева, что тот категорически против вмешательства редакции (поезд, мол, уже ушел), а Комлев настаивает...

– Ну, хорошо, я в принципе согласен, что ситуация сама по себе интересная. Но смущает все-таки нынешняя позиция Тимофеева. Вы же говорили, что он сам чуть ли не упрасивал вас о содействии, а теперь он против, и имеет на то вполне вескую причину.

– Раньше нас просил о помощи Тимофеев, теперь мы решили действовать в противовес ему, тем более что ситуация стала для нас еще интересней, – с олимпийским спокойствием сказал Комлев. – Разве мы лишены права действовать по собственной инициативе?

Крыть было нечем. Андрей недоуменно пожал плечами и отправился к секретарше оформлять командировку, успокаивая себя тем, что побывает в Дольске, который любят снимать редакционные фотокоры, особенно для праздничных номеров.

Он и вправду был по-своему красив, этот Дольск... Уютный, обихоженный. Разве что чуть тяжеловатый.

Время было обеденное, спешить заняться делами не имело смысла – все равно никого не найдешь – и Андрей с удовольствием отмахивал километры по дольским улицам. Утомившись, присел на широкой скамье, неподалеку от центра, приглядываясь к размеренно-неторопливой жизни города, переваривая впечатления о нем.

Сразу бросается в глаза причудливо-претенциозный – под стиль ампир с изрядной долей рококо – облик домов. Всюду видишь то, что некогда называли архитектурными излишествами, за которые в свое время всыпали архитекторам даже с высокой государственной трибуны: необязательные, не несущие никакой жизненно важной функции арки, колоннады, портики, каменные вазы в нишах под фронтонами, чугунные массивные ограды, ажурные металлические решетки... В жилых дворах – больших, зеленых, чистых, с разными вертушками и горками на детских площадках, со столиками для игр, разноцветными скамейками под сиренью – была своя неторопкая прелесть. От них, огражденных этими самыми архитектурными излишествами от бесцеремонного вторжения улиц, веяло спокойствием и безмятежной уверенностью. А в новом районе, строящемся в современном стиле, вытянутая вдоль дороги двенадцатиэтажка, открытая со всех сторон, гордо вознесшаяся сама по себе, представлялась каким-то инородным телом, ее не принимала душа. И не спасала эту холодно-расчетливую коробку соседствующая с ней густая зелень; безжизненной нарочитостью, бутафорией отда-

вало и от бетонной глыбы, и от зелени. Хотелось оттуда вернуться сюда, назад, к тяжело-ватой, нерасчетливой старине, к уютной несуетности, где, казалось, живут долго и умирают мирно, с большой седой бородой, в окружении мудрых старцев, которые прекрасно осведомлены о всех твоих достоинствах и легко прощают на смертном одре все твои грехи...

Андрей глянул на часы: все, пора шустрить, суетиться – время обеденных перерывов заканчивалось, служащие возвращались в конторы.

Ему немного повезло: не с нуля пришлось начинать. Полистал вчера в редакционной библиотеке подшивку дольской газеты – наткнулся на объемистую статью о швейной фабрике. Статья так себе – ни рыба, ни мясо, но мало ли что могло остаться в блокноте ее автора, поэтому в первую очередь решил заглянуть в редакцию «Зари».

Того парня, который написал статью, на месте не оказалось. Но редактор, остроносый, шустроглазый блондин средних лет с навсегда сбитой набок скептической ухмылкой, показал копию отчета о работе фабрики, представленного в городскую администрацию уволенным директором.

– Вам не приходило в голову, Леонид Петрович, что вашу фабрику задавило само объединение? – недоуменно спросил Андрей, ознакомившись с отчетом.

– Посещала такая мыслишка, – усмехнулся редактор. – Нам тут всем это давно приходило в голову, вплоть до мэра. Он пытался уж, насколько мне известно, и команду губернатора подключить; был тут у нас его зам Агеев – пока безрезультатно. Впрочем... – многозначительно глянул Андрею в глаза, – возможно, замена директора и есть результат.

– Почему же, пардон, ваш корреспондент сделал какой-то аморфный вывод: мол, несмотря на трудности, швейники фабрики ищут резервы повышения эффективности производства? Ни вашим, ни нашим. Стоило ли тогда писать? Хотя, еще раз пардон... – осекся Андрей.

– Вот именно, – заключил за него редактор. – Что положено Юпитеру, не положено Петру. Мы пытались хоть чуть-чуть подбодрить их. Но сама фабрика завалилась или объединение ее задавило – это надо выяснять на уровне генерального директора, а кто для него мы – периферийные газетчики? Он выпадает из сферы нашего влияния. Предлагали мы ему высказаться, когда он был у нас, – сослался на занятость. А вот вы входи в кабинет Тимофеева – вам и карты в руки, попробуйте разобраться. Если... – он замолчал, испытующе глядя на Андрея.

– Что «если»? – спросил Андрей.

– Если вас не пугает перспектива сработать на корзину.

– На корзину?

– Ну как же? Возможно, придется перечеркнуть выводы авторитетной комиссии, которая убедила в конце концов и городскую администрацию, и наших депутатов, и, выходит, Агеева. Решится ли в таком случае ваш редактор опубликовать материал? Насколько понимаю, он особой смелостью не отличается – сужу об этом по газете; а тут придется возвращать Агеева к уже решенному вопросу и по существу открыто заявлять, что он тоже не разобрался, позволил себя провести, а на это надо иметь смелость и вам лично, и вашему редактору – оба ведь под губернской властью ходите.

– Почему же вдруг только открыто?

– А как же? Неужели не понимаете?.. Ну хорошо, не открыто заявлять, а прозрачно намекать, если вас это больше устраивает. Хотя всякий, кто в курсе, расценит любой более или менее ясный намек как открытое заявление.

Андрей недовольно поморщился. Редактор лупил в лоб, таранил, называя вещи своими именами, а это не прибавляло настроения. Некстати вспомнилось прочитанное где-то, что открытия часто делают профаны, просто потому, что не представляют подстерегающих их трудностей.

– Что ж, вы правы, Леонид Петрович, ситуация не из приятных, – вздохнул Андрей, мысленно проклиная Комлева и пытаясь догадаться, зачем тому понадобилось впутывать его в эту авантюру.

«Может быть, – размышлял Андрей, – он тоже рассчитывал на то, что я не рискну подвергать сомнению выводы комиссии и просто-напросто разольюсь сентиментальными слезами по поводу падения фабрики, исхлещу директора Никитину за промахи в руководстве – и все? Но для чего ему это? Сводит какие-то счета с Никитиной или с Тимофеевым, или с кем-то еще из объединения? Хочет понравиться губернатору, изображая активное вмешательство в жизнь? Выполняет прямое указание Агеева, пожелавшего, чтобы газета раздолбала Никитину в назидание другим?».

В маленькой приемной, в которой два стула для посетителей, установленные возле входа, уже создавали тесноту, пожилая секретарша с морщинистым усталым лицом что-то сосредоточенно набирала на компьютере. От нее веяло какой-то безысходностью.

– Есть кто-нибудь? – мотнул Андрей головой поочередно на двери кабинетов директора и главного инженера, расположенные одна против другой.

– Нет никого, – ответила секретарша. – Но главный инженер рядом, в цехе. Если надо, я позову, – с готовностью поднялась она.

– Будьте добры, – попросил Андрей.

Она торопливо вышла.

«Затуркали, наверное, разными комиссиями, проверяющими всех мастей – вот и торопится позвать, не выяснив зачем. Такова жизнь. Стоит предприятию упасть – того и гляди совсем затопчут ревизоры, контролеры. Каждому покажи, растолкуй, подготовь справки – работать некогда, только успевай объясняться».

Через несколько минут секретарша вернулась. Вслед за ней вошла главный инженер, невысокая миловидная женщина.

– Вы из редакции? – спросила она.

– Да, я.

Прошли в ее кабинет.

– Замучили, наверное, проверки? – улыбнулся Андрей дружелюбно.

– Ой, и не говорите, – устало махнула она рукой.

– Так что же все-таки стряслось с фабрикой? Еще не забылось, как она была одной из лучших в главке, и вдруг скатилась в болото...

– Ну, не такие уж мы плохие, – обиженно поджала она губы.

– Да? А в чем же вы хорошие? Задания объединения не выполняете – это, сами понимаете, вас не красит. Но, может, тут что-то не так? Защищайтесь, Ольга Ивановна, – с шутливой интонацией предложил Андрей.

– А чего тут защищаться? Вы взгляните на наши результаты, – она подала ему листок с колонками цифр. – Видите? За три года мы дали хороший рост почти по всем показателям, по некоторым даже вышли на преддефолтный уровень девяносто восьмого года. А кое-какие задания... верно, не выполняем.

На цифры Андрей глянул мельком – они были знакомы. Важна была ее реакция на его слова. Догадывалась она или нет, что он провоцировал ее на откровенность, но она пошла в наступление, и это было как раз то, что надо.

– Как же так? Дали приличный рост по производительности; насколько я понимаю, заткнули за пояс родное объединение, а по объемам производства задание не вытягиваете. А?

Какой-то парадокс. Может, объединение слишком много захотело? Как вы полагаете, Ольга Ивановна?

– Ну, этот вопрос вы лучше адресуйте нашему директору, – замкнулась она.

«Кажется, грубовато сработал, – укорил себя Андрей. – Надо бы помягче, поделикатнее».

– С директором я на эту тему еще переговорю. Но не думаю, что она мне много скажет. Новый человек, еще не вошла в курс, а вы, можно сказать, выросли на фабрике, – вспомнил Андрей факт, вычитанный в «Заре». – Сколько уже тут?

– Двадцать лет.

– Вот видите... Так что имеете полное моральное право дать свою оценку положению на предприятии.

Андрей не льстил ей, не играл на тщеславии – только помогал освободиться от балласта субординации. Он думал, что ей есть что сказать, но что-то заставляет сдерживаться, ссылаясь на субординацию. Что же это? Просто нежелание принижать авторитет нового директора? Малодушное опасение вызвать ее неудовольствие своей самостоятельностью? А, может, уже имела возможность убедиться, что новая метла по-новому метет?..

– Вообще-то есть некоторые моменты, которые лично у меня, да и не только у меня, вызывали и вызывают возражения, – уклончиво сказала она.

– Например?

– Например, непонятно, какими расчетами руководствовались объединение, когда комплексным планом выхода из кризиса определяло нам по валовой продукции за два года рост больше чем в полтора раза. Ну ладно, если бы только в денежном выражении – тут хотя бы на инфляцию можно было бы кивать, а то ведь и в натуре, то есть в штуках тоже. Производственные площади остались абсолютно неизменными, нового оборудования мы за это время практически не получали: если раньше в год поступали десятки новых машин, то теперь счет ведем единицами.

– И у вас есть документ, подтверждающий это?

– Пожалуйста, – она достала из стола справку о выполнении заявок на поставку оборудования. – Вот. За три года мы получили только двадцать машин, хотя добрую половину тех, которые мы используем, уже пару лет тому назад надо было списать по причине физического износа.

– А как же вы на них работаете?

– Латаем, – пожала она плечами. – Реставрируем кое-какие детали. Ну, и простаиваем сверх всякой меры... Я уж устала лаяться с нашими механиками. Хвалить бы их, а не ругать: золотые руки у людей – из ничего, фактически из металлолома делают что-то... Но продолжаю нацеливать их, устраивать разносы – надо ведь как-то выкручиваться... Господи, когда это кончится! – неожиданно вырвалось у нее. – Вот освоится наша новая директриса – попрошусь у нее в цех, пусть хоть рядовым мастером: не могу я так работать с лю-дьми, сил нет, не по мне тянуть эту ляжку.

Ее пухлые мягкие губы на симпатичном голубоглазом лице с нежно-белой кожей растянулись в горькой усмешке. Андрей искренне посочувствовал ей.

– А чем будете мотивировать?

– Тем, что муж не любит мои частые командировки, – улыбнулась она. – И еще тем, что детей запустила. Младшенького моего надо к школе готовить.

– Много их у вас?

– Двое.

– На них не кричите?

– Бывает иногда, – нахмурилась она опять. – Придешь с фабрики, как собака цепная...

Увы, раздражение имеет свойство накапливаться.

– Да, и, к сожалению, чем его больше, тем чаще срабатывает предохранительный клапан.

– Ну, а при том директоре, при Сальнике, предохранительный клапан бездействовал?

– Не то чтобы совсем, но гораздо реже срабатывал. Хотя... спросите лучше об этом у Никитиной. Она тогда была на моем месте, а я – в экономическом отделе.

– То есть имели постоянный контакт, видели, каково ей приходится.

– Видела, конечно. По-моему, ей в роли главного инженера было гораздо проще. Понимаете, оборудование тогда еще было относительно новое и на замену поступало хорошо, так что механикам не стоило особого труда поддерживать его. А сейчас... – махнула обреченно рукой. – Небо и земля. Измочалили его вконец. Выжали из него все, перекрыли мощности, дали рост производства в полтора раза и начали задыхаться. А тут вдруг как снег на голову – объединение доводит задание: дать рост объема реализации еще в полтора с лишним раза. Мы – за голову: как, за счет чего? Ну ладно бы за счет дорогостоящего ассортимента, но в том-то и дело, что ткани, которые нам навязало объединение, тоже не давали размахнуться. Мы телефоны обрываем, гонцов шлем к Тимофееву с объяснениями, а он знай одно: «Выполняйте». И весь сказ.

– Не сообразуясь с обстоятельствами, с реальной обстановкой?

– В том-то и дело.

– Ну, а попытались ли вы, то есть все специалисты фабрики, выполнить задание, сделать для этого все возможное или?..

– Конечно, пытались. Куда от этого денешься? Если б только ныли да жаловались, то не дали б того роста, какой у нас есть... Реконструкцию потоков провели, почти каждую операцию обеспечили средствами малой механизации. Внедрили новые способы обработки деталей кроя. Специализировали потоки по ассортименту и сложности моделей.

– Та-ак. А можно все это увидеть? И вообще посмотреть фабрику, с людьми поговорить...

– Конечно. Сейчас я вызову Ирину Семеновну, главного технолога. Она прекрасно знает всю историю фабрики, людей. Лучшего гида не найти, – улыбнулась Ольга Ивановна и позволила куда-то по внутренней связи. – К сожалению, Ирины Семеновны нет на месте, но минут через пять —десять она должна появиться в кабинете. Это на первом этаже, прямо в цехе. Сейчас у нас полконторы там. Который месяц уж никак не можем закончить ремонт. Нечем ремонтникам платить, и они то и дело разбегаются. Ну ни на что денег не хватает – это ужас какой-то. Так вот, я к ремонтникам должна отправиться, пока они опять не разбежались. А вы сейчас в цех спуститесь, и сразу направо – увидите табличку производственного отдела. Там и встретитесь с Ириной Семеновной.

Едва Андрей открыл дверь производственного отдела – свет потух, и мужской бас негромко, но твердо скомандовал: «Куд-да?! На-а-зад!». Он остановился, пытаясь в сумраке небольшого помещения с крошечным оконцем под потолком, заваленного какими-то тюками, разглядеть говорившего. Никого не увидев, удивленно пожал плечами и направился было к другой двери, видневшейся в нескольких шагах впереди. «Стоп! Кру-у-гом! И на выход» – скомандовал опять голос. Андрей остановился, размышляя, что бы это значило и может ли это иметь какое-то отношение к нему. Решив, что не может, вновь направился к двери. И тотчас откуда-то сверху на него свалилось многоголосое куриное кудахтанье, сопровождаемое хлопанием крыльев, – словно он ввалился в курятник. Андрей поспешно потянул на себя дверную ручку, и столкнулся с дородной полногрудой дамой.

– А мы думаем: кто это у нас тут заблудился? – отступила та в сторону.

Сидевшие за столами еще три женщины насмешливо разглядывали Андрея.

– Что это у вас там? – сконфуженно спросил он, доставая из нагрудного кармана удостоверение.

– Это механики наши развлекаются, – объяснила полногрудая.

Андрей протянул ей удостоверение.

– Да знаем, – отмахнулась она, – поняли уже, что областной корреспондент к нам заглянул.

...Главный технолог задерживалась. В ожидании ее Андрей посудачил с пожилыми сотрудницами отдела о жизни, о том, как трудно женщине быть одновременно и женой, и матерью, и хорошим специалистом. И как бы между прочим попросил справку о работе предприятий объединения. Он не хотел акцентировать их внимание на этой справке, которая дала бы возможность сравнить результаты, посмотреть, как выглядит дольская фабрика на общем фоне. Потому что не знал, в чью пользу будет сравнение, и пошел на маленькую психологическую уловку, чтобы не возбуждать понапрасну их интереса к своей персоне, как возможному избавителю от притеснений со стороны управленцев объединения.

– Справку о всех четырех фабриках? – удивились они.

– Да.

– Так где ж мы вам возьмем такие данные? – многозначительно переглянулись они, заговорили наперебой. – Мы сами бы с удовольствием ознакомились с ними.

– Инте-ре-есно, – в тон им сказал Андрей. – Как же вы работаете вслепую? Надо бы, наверное, знать, в чем вы отстали от других, чтобы тянуться за ними.

– Вот-вот, – улыбаются, – и мы так думаем. Первое время, как объединение образовалось, присылали нам данные о всех фабриках. Сравнивали: не так уж плохо мы выглядели, даже, скорее, наоборот: головная-то фабрика нам в подметки не годилась. Никитина наша возьми и скажи на конференции, на профсоюзной: «Мы тоже анализируем работу других предприятий и видим, что на головной фабрике, которая должна пример показывать, позволяют себе слишком спокойную, сытую жизнь». Тимофеев тогда ругал нас за плохой рост объема реализации – она и ляпнула ему, высказала при всех, что там только за счет дорогих тканей и вылезают: с объемом-то реализации все в ажуре, а с производительностью в натуре, в штуках – на месте топчутся. С тех пор и началось.

– Что началось? – не понял Андрей.

– Да грызня с Тимофеевым. И сводных данных мы с тех пор больше не получали. Попробовали настаивать – где там...

– Да нет, девочки, вы путаете, не с того началось, – поправила сухошавая, интеллигентной внешности Евгения Аркадьевна, руководитель отдела. – Помните, в области совещание было по легкой промышленности? Так вот с него, по-жалуй, началось. Никитина там выступила и сказала что-то не так, как хотелось бы Тимофееву, а он ей вот так пальчиком погрозил и головой помотал: ай-яй-яй, дескать, нехорошо.

– Что за совещание? – уцепился Андрей. – О чем говорила Никитина?

– Не помню толком, боюсь наврать, так что вы уж, голубчик, лучше у самой Никитиной поинтересуйтесь, – посоветовала Евгения Аркадьевна.

– Где она может быть сейчас?

– Дома пока. Но вот-вот должна лечь в больницу.

– В больницу? – удивился Андрей.

– Да, в больницу, – вздохнула Евгения Аркадьевна. – Чему удивляться?.. Когда человека без конца дергают...

Андрею дали номер телефона Никитиной. Он тут же из отдела попробовал связаться с ней. Телефон молчал. Он записал на всякий случай ее домашний адрес и договорился, что к вечеру ему подготовят подробную справку о работе предприятия с тех пор, как было организовано объединение.

– А вон и Ирина Семеновна, – показала в окно полногрудая сотрудница. – Видите, у той колонны стоит, что-то швее молоденькой втолковывает. Беда с ними, с молоденькими, того и гляди что-нибудь... Идите к ней, а то, чего доброго, она уж закрутилась и забыла про вас.

Ирина Семеновна, худенькая женщина с огромными глазами, действительно оказалась прекрасным гидом: не бесстрастным профессионалом, бойко излагающим давно заученный текст, а заинтересованным собеседником. Она водила Андрея по складам, тесно заставленным штабелями тканей, по участкам с рядами стрекочущих машинок и женскими бюстами, утопающими в пестрых ворохах деталей кроя, терпеливо втолковывала премудрости технологии – и щеки ее зарделись румянцем возбуждения, глаза увлажнились, потому что рассказывать ей пришлось о падении фабрики, а фабрика была для нее всем – радостью, болью, домом, который оставило счастье, жизнь в котором пошла наперекосяк. Андрей верил в ее искренность. И когда она рассказывала о перестройках технологии, ни минуты не сомневался в том, что она ничего не придумывает, не ловчит, стремясь вызвать у заезжего корреспондента иллюзию бурной деятельности специалистов фабрики. Но чувствовалось: ее что-то мучает, защемило душу что-то недосказанное.

– А зачем вам все это? – спросила вдруг она смущенно. – Писать будете?

И, словно в ожидании неизбежной тяжелой вести, медленно, тяжело опустилась на широкую скамью у стены возле красного уголка.

– Н-ну-у, да вообще-то, намерен.

– И тоже – ругать нас? – остановила на его лице свои глаза; в них были тревога и насто-роженность.

– Ну почему же ругать... Нет... Не обязательно во всяком случае, – загозил Андрей, бодро улыбаясь. И подсел к ней на ту же скамью.

– Так ведь объединение подводим, с зарплатой перебои – два года уже, народ разбегается. Даже кадровые работники – опытные швеи, наша надежда и опора – и те потянулись на сторону, в торговые ряды у большой дороги. Знаете, какая теперь у нас текучка кадров?

– Какая?

– Тридцать процентов.

– Да-а, скверная ситуация: народ уходит, потому что прибыли нет, упал заработок, а прибыли нет, потому что некому ее делать, не хватает квалифицированных работниц. Набрали новичков, обучили, а они – заявление на стол. Порочный круг. Так?

– Вот именно.

– А можно вам задать один деликатный вопрос? Мне вот пришло в голову... Как же так, думаю: при Сальнике, вашем первом директоре, за считанные годы добились роста производства в полтора раза на сравнительно новых машинах – и претензий по поводу невыполнения заданий не было, а теперь примерно такой же рост на старых машинах, с которыми больше хлопот, – и вас ругают, что плохо работаете. Может, действительно производственная программа теперь нереальная, а раньше она была реальной, отвечала вашим возможностям просто потому, что Сальник умел ладить с генеральным директором? Впрочем, возможно, не столько потому, что умел ладить, сколько потому, что уважали его громадную практику, прислушивались к его мнению, когда речь заходила о производственной программе, и больше, чем можно, с него не требовали. А ушел на пенсию – и ситуация резко изменилась: генеральный директор стал диктовать свои условия. Тем более что он недолюбливал Никитину... Как, по-вашему? Могло так произойти?

Он приврал. Что Тимофеев недолюбливал Никитину – это еще бабушка надвое сказала. Но слышал ведь уже в производственном отделе, что могла она не угодить генеральному – значит, надо было как-то проверить и перепроверить – факт это или чей-то домысел. Честнее, конечно, было бы поставить вопрос по-другому. Например, так: «Может, у них отношения не сложились?» Это было бы и деликатнее. Но тогда бы он и ее побуждал быть деликатной и, возможно, из деликатности она предпочла бы умолчать о кое-каких пикантных деталях. Но он пришел сюда не в деликатность играть. Ему нужна была истина, ему нужно было, чтобы эта худенькая женщина сказала то, что знает, и он решил на маленький подлог, в котором его

может упрекнуть только он сам. Он ставил ее перед фактом, будто ему уже известно, что Тимофеев недолюбливал Никитину, и тем освобождал ее от необходимости сдерживаться, снимал с нее груз ответственности за распространение малоприятных сведений. Ей оставалось только или согласиться с тем, что отношения между двумя директорами оставляли желать лучшего, или отвергнуть это как досужий вымысел, сплетню.

– Трудно сказать... – ответила она неопределенно. – Вообще-то, если откровенно, Сальник иногда и при социализме из ничего делал план. Тут ему, видно, и опыт громадный помог, и то, что он, юрист по образованию, умел крутиться на пяточке. Умел в рамках закона развернуться, маневрировать ассортиментом, ценами.

– А Никитина не умела так?

– Не в том дело. По крайней мере не только в том... Вы не были знакомы с Сальником?

– Нет.

– Жаль. Посмотрели бы на него – не сказали бы, что он пенсионер. Энергии, здоровья – хоть отбавляй, тридцатилетний позавидует, а он на пенсию ушел. Неожиданно, вдруг. Когда фабрика наша была самостоятельным предприятием – до создания объединения, – никто и мысли не допускал, что запросится на отдых.

– Так-так-так ... – подхватил Андрей. – Появилось объединение – фабрика, став филиалом, утратила самостоятельность, возможность маневрирования для Сальника резко уменьшилась, – и он не выдержал, счел за благо уйти.

– Да нет, поначалу-то у нас еще было нормально; не сразу объединение задавило. И после ухода Сальника мы еще где-то с полгода держались, а уж потом все кувырком пошло.

– Значит, Сальник ожидал такой исход?

– Не знаю. Возможно, просто не выдержал. – Она усмехнулась. – Таблетки он часто глотал последнее время. Раньше этого за ним не замечалось.

– Какие таблетки?

– Ну, после телефонных разговоров с Тимофеевым...

«Эдак Тимофеев всех итээровцев в больницу определит», – подумал Андрей, вспомнив, что сказали о Никитиной в производственном отделе.

– А вам самой не хочется уйти с фабрики? – участливо спросил он.

– Знаете, было – тоже хотела бросить заявление на стол. Потом одумалась. Куда пойду? В ателье? Или куда-нибудь совсем не по специальности?... Да и время сейчас такое... нигде не ждут безработных. Нет уж, буду держаться, сколько сил хватит – может, как-нибудь все образуется. Мало приятного, конечно, без зарплаты сидеть... Да и привыкла ведь к ней, к фабрике, как дом родной стала. У нас тут раньше знаете, как хорошо было... Никитину вот обвиняют, что красный уголок тканями забила, в склад превратила. А думаете легко ей было на это решиться? Она у нас первой певуньей была: и в хоре, и солисткой. Но производственную программу-то выполнять надо, и у кого, как не у нее, директора, должна болеть голова за это? На дешевой ткани не то что прибыли не получишь – на налоги не заработаешь. Поступает хлопчатка – не до нее, на склад ее! А вы сами видели, много ли надо для нашего склада, чтобы его под потолок забить. Раньше-то нам и этого хватало – сами командовали. А теперь вот... Сколько ни просим новый построить или хотя бы еще сараюшку какую, мало-мальски пригодную поставить – никакого результата... Ну, забили склад – куда деваться? В цехах теснотища, яблоку негде упасть, оборудования давно понатолкано намного больше, чем полагалось по проекту. Осталось одно – урвать кусочек площади у красного уголка. Кусочек за кусочком – отняли половину. А что половину, что весь – разницы никакой. Все равно в него теперь ходу нет – никому, кроме узкого круга материально ответственных лиц. Изредка, правда, – перед праздниками пускают музыкантов на репетиции, под присмотром кладовщицы... Раньше в нашем красном уголке двери всегда были настежь открыты: кто в настольный теннис играет, кто в шашки, в шахматы – всем хватало развлечений. До работы заглядывали и после смены,

а в обед так вообще столпотворение было. По праздникам или если у кого-то дата круглая, юбилей какой, – столы накроем, цветы, самовары, бывало и легкое вино; свои артисты исполняют номера по заявкам – шумно, весело, и все по-домашнему, просто. Наша самодеятельность в городе, в районе нарасхват была; чуть что – к нам: помогите артистами. И в области в цене была, со смотров постоянно трофеи привозила. А сейчас... Скука смертная. Вы не обратили внимания? На лестничных площадках в обеденный перерыв тихо, пусто. Так только – проскочит кто-нибудь вверх-вниз, или группка какая шушукается. Позабились все в свои норы. Сбежали в столовую – и опять в цех. Никаких общих интересов, кроме работы. Работа и только работа. А она серая какая-то стала, безрадостная. Будто душу из людей вынули, незаметно, тихо украли. Хватились, а души-то и нет, и теперь вот тоскуем, руки заламываем. Странно, скажете, почему это вдруг тишина в коридорах не нравится? Да ведь прежде и там жизнь была, девчата спевки устраивали. И в цехе, бывало, пели: одни запоют – другие подтянут; кому репетиция, кому развлечение. Здоровый микроклимат... Боже мой, как много мы потеряли, и всего за какие-то пару лет. Была семья – нет семьи. Все развалилось, полетело кувырком в прошлое, в преисподнюю, в тартарары. Или я преувеличиваю?.. Может, так и надо, может, это знамение времени, современный стиль взаимоотношений – сдержанность, разобщенность? Каждый сам по себе... Как же, рынок, капитализм, конкуренция везде и во всем... Человек человеку волк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.